

У каждого своя Матросская Тишина

Четыре дня назад Владимир Машков завершил съемки фильма по пьесе Александра Галича «Матросская Тишина» (производство «Продюсерской фирмы Игоря Толстунова»). Пьеса — легендарная, проект — крупномасштабный и необычный. Именно картина, вторая режиссерская работа Машкова в кино после «Сироты казанской» (да еще с ним же в главной роли), казалась первейшим резонансом для интервью. Но тут обнаружилось, что мы упустили из виду еще один значимый факт: в ближайший четверг, 27 ноября, нашему собеседнику грядет сорок, а это повод подвести предварительные итоги. Владимир МАШКОВ, один из ведущих российских актеров, создатель театральных и кинохитов, в эксклюзивном интервью рассказал обозревателю «Известий» Юрию ГЛАДИЛЬЩИКОВУ о новом фильме, своей карьере, российской и голливудской, и о том, как нам обустроить кинематограф.

«Папа!» вместо «Лары Крофт»

— Это правда или байки, будто ради «Матросской Тишины» вы отказались от роли в таком крутом голливудском блокбастере, как «Лара Крофт-2»?

— Правда: мне предлагали вторую по значимости роль — напарника Анджелины Джоли. Я был уверен, что там постоянно сдвигались сроки. А у меня уже был готов сценарий, требовалось срочно начинать поиск денег на фильм. Тут мне повезло: деньги я нашел быстро, даже не успев впасть в отчаяние. Так что судьба: мне пришлось выбирать, бегать ли рядом с Анджелиной Джоли, что тоже неплохо, или делать фильм, который очень хотелось.

— Вы уже знаете, когда фильм выйдет в прокат?

— Трудно сказать. Технологический процесс очень сложен. Особенно долгой будет компьютерная обработка цвета. У нас ведь в фильме три периода времени, три отдельных дня: в 1929 году, 1939-м и 1944-м. Точнее, четыре: будет еще эпизод из конца 50-х. Секунды человеческой жизни, которые — неожиданно — оказываются самыми важными.

Мне предлагали вторую по значимости роль — напарника Анджелины Джоли. Пришлось выбирать, бегать ли рядом с Анджелиной Джоли, что тоже неплохо, или делать фильм, который очень хотелось.

— То есть ваш сценарий отличается от пьесы? Ведь у Галича было еще и большое четвертое действие, в котором все происходит 9 мая 1955-го.

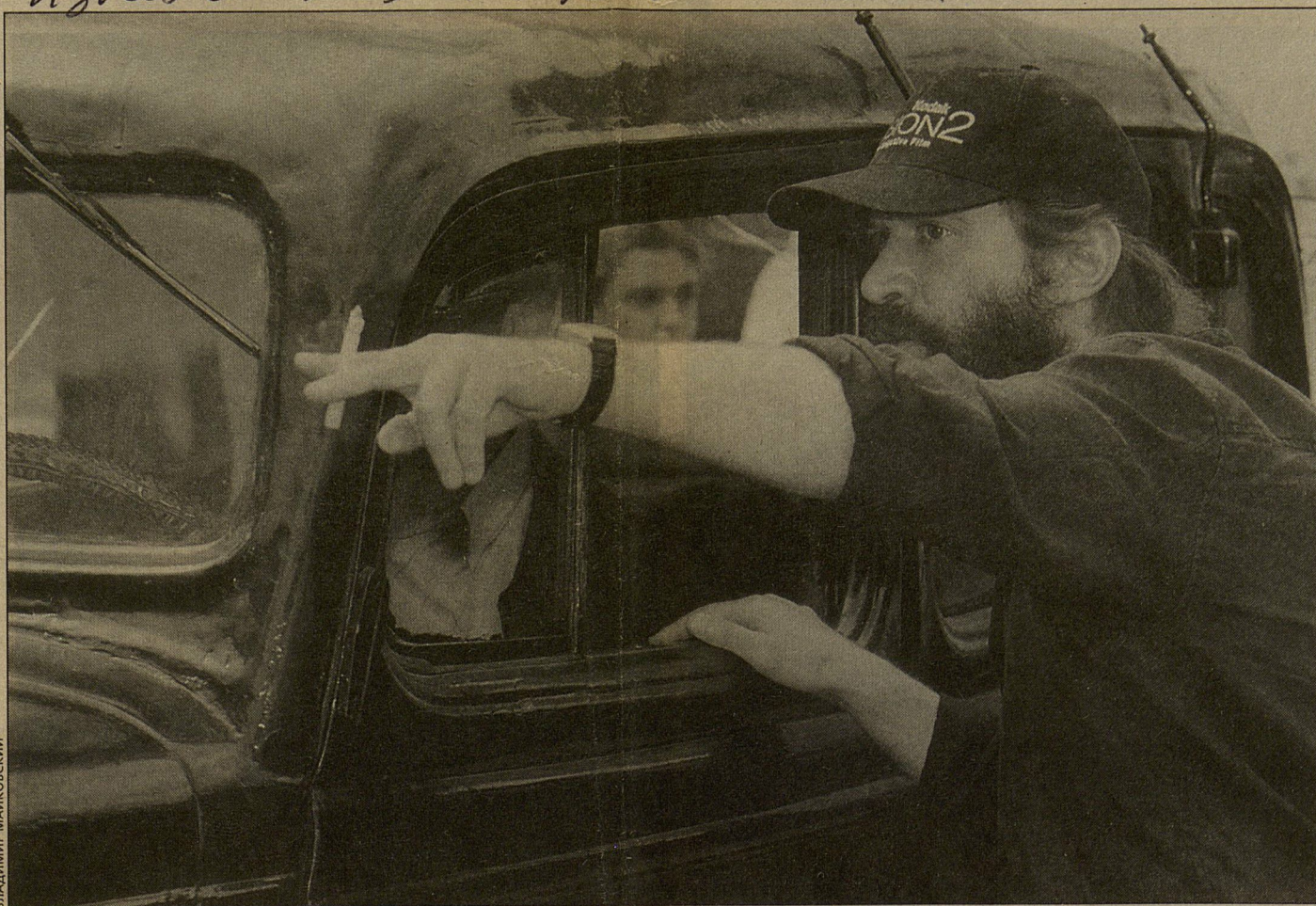
— Это фильм по мотивам. Вообще он будет называться не «Матросская Тишина», а «Папа!» — именно так, с восклицательным знаком («Кстати», — обращается к своему агенту Поппе, — не забудь напомнить, чтобы везде вставили восклицательный знак»). Галич и сам говорил, что четвертый акт в его пьесе был конъюнктурным, чтобы пьесу пропустили. Ее, правда, все равно запретили. Именно «Матросской Тишиной» должен был, как вы знаете, открыться в 1957 году театр «Современник», но открылся в итоге «Вечно живыми». Когда в конце 80-х Олег Павлович Табаков поставил «Матросскую Тишину» в «Табакерке», уже тогда у нас было три акта (первая знаменитая постановка «Матросской Тишины» и первая знаменитая роль Машкова, сыгравшего Абрама Шварца, еврея-кладовщика из городка Тульчина, сумевшего сделать из своего сына Давида генерального скрипача, отправив его учиться в московскую консерваторию и погубившего во время оккупации в гетто. — «Известия»). Я придумал совсем другой финал. Тем не менее, хотя кино отличается от театра как вид искусства и требовалось переработать пьесу по его законам, мы оставили почти весь текст Галича, отнеслись к нему бережно. Он ведь очень поэтический.

Тихий семейный патриотизм

— Сам Галич, описывая в автобиографической повести «Генеральная репетиция» свое изумление от запрета

«Матросской Тишины» в 1956 году, называл ее пьесой «почти наивно-патриотической». Говорил, что она прославляла народ, победивший фашизм и сумевший осознать себя как единое целое. Ваш фильм можно считать патриотическим?

— (Задумывается.) Надеюсь, да. О патриотизме трудно говорить: для каждого он свой. Эта история — о бескорыстной безумной любви папы к сыну. Я повторяю с настойчивостью идиота: единственные люди, которые любят нас ни за что, — это наши родители. У Галича есть замечательная мысль в монологе отца, Абрама, когда он является в видении сыну Давиду, знаменитому скрипачу, раненному на фронте офицеру Советской армии: не важно, кто выйдет на сцену большого зала консерватории, ты или твой собственный маленький сын. Он скажет людям: это мой папа сделал из меня то, что я есть, — мой папа, герой войны, награжденный орденами и медалями. И тебе не нужно будет ни лгать, ни лгать для того, чтобы твой маленький сын узнал, как выглядишь ты. И, по-моему, это и есть та родина, за которую ты воюешь... Вот в этой идее, наверное, и заключается патриотизм фильма.



На съемках фильма «Папа!»: Владимир Машков в роли режиссера

(у нас, по крайней мере), который назывался бы «Папа». Вообще, обратил внимание: в пьесе — это одна из ее загадок — не только нет никакой мамы, но даже не возникает вопроса о ней. Только отец и сын — как Создатель и его Сын. С такой же связью. Эту историю можно воспринимать как великую притчу. Но эта притча основана на очень земных чувствах и реальных событиях.

«Список Шиндлера» был о другом

— Одна из таких реальных тем — судьба евреев. Я только что просмотрел фотографии со съемочной площадки фильма, и сцены в гетто напомнили мне о «Списке Шиндлера» и «Пианисте». На интернет-сайте, посвященных еврейской культуре, я нашел сообщения о том, что вы снимаете картину именно о судьбе евреев в СССР (Смеется.) Так и написано? — Насколько вас волновал именно такой поворот сюжета?

— Я вам так отвечу: я играл в «Матросской Тишине» «Табакерки» на гастролях в Японии, Сибири, на Украине, во Франции, в Америке. И везде спектакль пользовался огромной популярностью, а историю воспринимали как универсальную. Особенно в Японии. Я не могу заподозрить, что там много евреев...

— Ну, не так чтобы много... — Не так много. И тем не менее «Матросскую Тишину» там очень хорошо понимали. Все табакеровцы тогда очень любили этот спектакль. А для меня он вообще стал сверхважным. Когда я получил роль, мне было двадцать четыре, я учился на третьем курсе Школы-студии МХАТ. Понять степерь безумной любви и характерности этого пожилого человека, Абрама Ильича Шварца, мне, человеку молодому и к тому же других кровей, было невероятно сложно. Но потом от отчаяния наступил перелом. Я вспомнил, что мой папа любил меня так же — то есть все это рядом. Я родился поздно, ему было сорок — возраст, когда отдаешь отчет своим поступкам. И в этой любви его, не видящей зла, не замечающей обид... (Изображает восторженное отцовское): «Я хочу гордиться им, сыном, хочу гордиться!»... В этой любви таилась невероятная сила. Для меня в сюжете «Матросской Тишины» много автобиографического. Я говорю прежде всего о похожих

ощущениях. Например, мне однажды приснился сон, будто отец крепко держит меня за руку. Я это физически чувствовал! Когда я проснулся, оказалось, что я сам сжимаю одной своей рукой другую. Ощущение, что моя рука была рукой отца... понимаете?... ох, залосился для меня знакомым. Сейчас мне тоже сорок, и когда я смотрю на свою ладонь, я действительно иногда узнаю ладонь отца... Сон приснился лет пять назад, когда родителей уже давно не было в живых. Мои папа и мама так и не узнали, что я стал актером. Папа сам был актером, но в театре кукол, в Новокузнецке, а мама там же режиссером. Они были блестящими — мне осталось от них только по половинке.

Возвращаясь к еврейской теме: именно из-за нее пьеса когда-то и запретили. Потому что, дескать, слишком много евреев на квадратный метр сцены, и потом: «Вы что, хотите сказать, что это евреи выиграли войну?» Но для меня это все-таки пьеса не о судьбе евреев в СССР, а о судьбе обычного человека. А также судьбе таланта, который не уберечь, но который, несмотря ни на что, продолжает жить, потому что эта линия, эта цепочка неостановимы. Это бы мне хотелось показать.

Американские актеры не очень-то подпускают к себе. Они себя ощущают кастой, и если появляется посторонний, то глядя на него, словно бы спрашивая: «Почему именно этот? Почему не другой?». И момент доказательства — что ты можешь? — очень важен.

— В пьесе Абрам Шварц рассказывает сыну о своей гибели, являясь в видении. В фильме, вероятно, гетто будет отдельным эпизодом?

— Да, в фильме немного иначе — ну, увидите... Я долго работал над этой историей — два года. Мы объездили в поисках натур почти все западноукраинские города, в том числе и Тульчин, где происходит действие в 1929 году (и где сам Александр Аркадьевич Галич, кстати, никогда не бывал). Придумывали и отвергали варианты, как и что снимать. Сцена гибели в гетто — одна из сильнейших в пьесе по душевной боли. В итоге я решил снять ее очень буднично. В этом мой взгляд, но я заимствовал его у Галича. По пьесе все было очень просто. В один прекрасный день людям сказали, будто везут их на поселение в Польшу. Но Абрам Шварц даже не взял чемодан: он догадался, куда везут на самом деле. Привели, пересчитали. Всем было скучно — и немцам тоже скучно. Все устали, и немцы сметали людей, как опавшие листья.

Проблемы коммерции и как играть стариков

— В кино, в отличие от театра, нигде не деться от коммерции...

— В театре тоже.

— Тем более! Вы известны как режиссер хитов «Сирота казанская», сделанная в годы, когда у нас еще не был развит прокат, побил рекорды по продажам на видео и сто раз шла по телевизору. В театре вы поставили знаменитые кассовые спектакли — «Трехгрошовую оперу» («Сатириконе») и «№ 13» во МХАТе. Не смущает ли вас, что той новой аудитории, которая сегодня ходит в кино, может показаться непонятным пафос Галича, все-таки слишком шестидесятилетний (даром что пьесу запретили до 60-х)? Больше

того: само его имя многим уже незнакомо. Желая пережить «Матросскую Тишину», я обзвонил справочные разделы самых крупных московских книжных магазинов. Повторяю: книжных! И везде меня спрашивали: «Как, вы сказали, называется произведение? Как правильно пишется фамилия автора?». Вы предполагаете, что «Папа!» тоже может быть коммерческим фильмом? Или изначально затевали его как авторский проект, не рассчитанный на возврат денег?

— Было бы, по-моему, неправильно затевать большой проект, не думая об отдаче. Деньги никто не дарит...

— А бюджет именно что большой?

— Порядка четырех миллионов долларов (в четыре раза больше среднего бюджета российских фильмов). — «Известия». Конечно, деньги нужно возвращать. Но, по моим ощущениям, людей, остроту чувствования необходимости покаяния перед родителями и перед детьми, сейчас много. Кроме того, я заложил в картину один огромный плюс. При всех

трагических событиях она жизнеутраждающая. И, поверьте, очень легкая! Поэтому, наверное, фильм будет нужен. Если после этой картины хотя бы каждый третий позвонит папе... Меня даже подмывало завершить фильм титром, как в той рекламе: «Позвоните родителям».

— Вы первый раз сыграли в кино возрастную роль. Это совсем не то, что в театре, где другая степень условности. На экране все должно быть «взаправду». Вдобавок в кино много крупных планов. Как вы справлялись с задачей? Сколько, кстати, лет-то Абраму Шварцу? Может, он и не такой старый?

— История начинается, когда ему действительно чуть за сорок, но это сильно пьющий человек. И дальше соответственно за пятьдесят, под шестьдесят. У меня были большие сомнения по поводу того, стоит ли играть самому. Вы правильно сказали про крупные планы и про другую, нежеланную в театре, степень условности...

— В театре старика можно и без грима сыграть!

— Конечно! Я долго готовился. Помимо того, что у меня в фильме все по-настоящему — я отращивал бороду, волосы, — работала замечательная гример Катя Иванова. Грим был сложный, на все лицо, его делали ежедневно по два часа: выстригали плешь, выщипывали бороду... Внутренне я готов был играть эту роль — мне важно было увидеть себя со стороны. И после долгих проб мы все-таки нашли образ. Проблема была в том, что его требовалось видоизменить от 29-го года к 39-му и 44-му. А когда Абрам является к сыну в видении, он вновь другой, это уже четвертый образ. Ведь когда мы видим близких людей во сне, они обычно — прекрасны! Они такие, какими мы их хотим видеть: вроде пожилые, но одновременно и молодые, как на фотографиях, когда мы были маленькими.

— В театре старика можно и без грима сыграть!

Помимо того, что у меня в фильме все по-настоящему — я отращивал бороду, волосы, — работала замечательная гример Катя Иванова. Грим был сложный, на все лицо, его делали ежедневно по два часа: выстригали плешь, выщипывали бороду... Внутренне я готов был играть эту роль — мне важно было увидеть себя со стороны. И после долгих проб мы все-таки нашли образ. Проблема была в том, что его требовалось видоизменить от 29-го года к 39-му и 44-му. А когда Абрам является к сыну в видении, он вновь другой, это уже четвертый образ. Ведь когда мы видим близких людей во сне, они обычно — прекрасны! Они такие, какими мы их хотим видеть: вроде пожилые, но одновременно и молодые, как на фотографиях, когда мы были маленькими.

— Рекламную подготовку всегда начинают рано. Если проект осуществится, то, может, к середине

Справка «Известий»

Владимир Машков родился в Туле, но вскоре переехал с родителями в Новокузнецк, где мать работала режиссером, а отец — актером театра кукол. Все его близкие так или иначе были (и есть) связаны с театром и кино. Первая жена — актриса Елена Шевченко (именно она исполнила главную роль в его «Сироте казанской»), причем их дочь Маша уже тоже снимается в кино. Нынешняя жена Ксения Машкова, журналистка, экс-модель Вячеслава Зайцева и сама модельер, стала художником по костюмам в спектакле Машкова во МХАТе «№ 13». Начиная учиться на биофаке университета и затем в театральном институте в Новосибирске, но в итоге закончил Школу-студию МХАТ. Во ВГИК его не приняли — за «некинематографические данные».

следующего года. Там немалый бюджет и достаточно забавный сценарий — про русского, который попадает в Америку и начинает с нуля весьма активную жизнь. Становится мошенником, причем эффектным. Много смешного: он жаждет осуществить «американскую мечту», имеет четкое представление о ее атрибутах, о том, что значит шикарно жить в Америке, и Мила — то обязательное продолжение «американской мечты», девушка на роликах, которую он встретил на набережной.

— А она, небось, окажется непростой девушкой?

— Непростой, да.

— Существуют и другие предложения?

— Существуют. Должна, например, сниматься вторая «Идентификация Борна», но опять-таки не уверен, что смогу выбраться: у меня как раз монтаж будет в разгаре. Есть еще пара-тройка проектов... На самом-то деле они там выпускают кино без остановки. Мне повезло, что я попал в обойму: меня увидели и знают, что этот человек соответствует, скажем так, их рангу работы. Но надо понимать и то, что в этой ситуации все зыбко. Вообще хочу заметить, что отношусь к этому не слишком серьезно. Дверь туда почему-то оказалась открытой, я вошел туда с толковыми людьми, которые в чем-то помогли, — вот и все.

— Но почти никому другому из наших почему-то не удалось войти.

— Тут я лишний раз благодарен Паше Чухраю и Григорию Наумовичу Чухраю, царство ему небесное, который, когда еще был жив, сказал, что «надо, Вову брать в картину «Вор». Она очень хорошо пошла в Америке, тираж до сих пор переиздается, и кассеты продаются в сети магазинов «Блокбастер». Картина посмотрела много людей. Тот же Майкл Редфорд пригласил именно после «Вора». У Редфорда лежит, кстати, в сумке потрясающий сценарий «Шведский кавалер», который отдал ему Делардье. Действие происходит в начале XVIII века в Скандинавии, и действие некий загадочный персонаж, про которого никто не знает, откуда он взялся. А он на самом деле из Петровской Руси. Вот этот фильм — действительно одно из моих потаенных желаний. Но он сложнопостановочный, крупнобюджетный, и Редфорд не может пока собрать деньги. Надеюсь, соберет.

— Тогда переформулирую вопрос: после того как вы вошли в профессию, какие люди и в какие моменты оказали на вас определяющее влияние?

— Мой крестный в театре, разумеется, Табаков, который всегда будет моим учителем. Я очень благодарен режиссеру Анатолию Матешко: у меня долго не возникало pomysлов сниматься в кино, я не понимал, что это такое, и он был первым, кто меня пригласил, — была такая в конце 80-х картина «Зеленый огонь коз» по сценарию Аркаши Высоцкого. Оказалось, что это очень необычно — увидеть себя со стороны, в театре ведь не видишь. Дальше могу с уверенностью упомянуть почти каждого режиссера из тех, у кого снимался. Паша Чухрай, за работой которого я очень внимательно наблюдал во время съемок «Вора», изучая его внимание к подробностям (в этом смысле я и Шпион). Майкл Редфорд, взявший меня в картину «Танцы в Голубой игуане». Карен Шахназаров, Паша Лунгин, Денис Евстигнеев — каждый давал мне ощущение следующего шага. Не важно, если иногда не вполне ловкого.

— Вас, вероятно, достали вопросы о зарубежной карьере, тем не менее вы редкий русский актер, у которого есть английский фан-сайт и кому посвящена детальная страница на главном американском киноагентском сайте imdb.com. Да и фильмы были неплохими, если вспомнить те же «Танцы в Голубой игуане». Роли в «15 мигутах» или «В тилу врага» более привычны для актера из России, зато это настоящие голливудские блокбастеры. Как обстоят дела сейчас и что за фильм «Red America», где вы в главных ролях с Милой Йовович?

— Он еще не снят...

— Одно время очень беспокойно, что все русские герои, появившиеся в голливудских картинах, оказывались отрицательными. — Ну да, мой американский друг тут приколотился и — виде-

ли недавний фильм «Ограбление по-итальянски?» — наделили босса русской мафии фамилией Машков.

— Но именно вы как-то скажете, что ситуация скоро изменится, причем ссылались на мнение не кого-нибудь, а Кlinta Иствуда. Не могли бы вы рассказать об этом разговоре подробнее?

— Это был забавный случай. Иствуд приглашал меня в одну из своих картин, и я пришел на разговор. Кабинет оказался огромнейшим — и весь был увешан фотографиями-кадрами из лент, которые он снял и в каких снимался. Я даже не предполагал, что лент было столько — фактически весь американский кинематограф! И я ему не без иронии говорю: «Ну что, играть, наверное, надо злодея? Русские-то у вас все злодеи!» А он отвечает: «Да нет. У нас злодеи больше англичане. А с русскими скоро все в Голливуде изменится. Вот начнет русскоязычная аудитория больше денег в кассу приносить, что уже и происходит, тогда продюсеры задумаются о том, что эта аудитория нуждается в своих положительных героях и хочет, чтобы их соплеменники выглядели на экране цивилизованными». По тем же причинам в Голливуде последних лет уже изменился имидж мексиканцев или китайцев — они вышли из ранга безобразных злодеев... Хотя, замечу вам, плохих играть интереснее, а очень плохих — совсем интересно.

О квотах, дотациях и др. скучных материях

— Я бы задал в завершение два сложных вопроса, на которые попрошу ответить просто. Они скучные. Но это проблемы, которые сейчас крутятся в сфере нашего кино. Вопросы к человеку, который работает и здесь, и там. Первый: некоторые депутаты требуют ввести квоты на показ иностранных картин. Ваше мнение?

— Я не особый сторонник каких-либо ограничений. При ограничениях я чувствую себя неуютно. У меня есть внутренняя цензура, не позволяющая мне в жизни и творчестве совершать определенные поступки. Но я не люблю, когда меня ограничивают извне. В том числе не давая мне возможность смотреть кино, какое хочу.

— Исчерпывающий ответ.

Второй скучный вопрос: нужна ли нашему кинематографу помощь государства? Когда Путин встречался недавно с кинематографистами, у него особенно просили деньги на съемки патриотических фильмов к юбилею Победы. Ваш «Папа!», как почти все российские фильмы, тоже делался при участии Службы кинематографии Министерства культуры.

— Господдержка бесспорно нужна. Но не помешала бы помощь другого рода. Еще недавно тем, кто вкладывал деньги в съемки фильмов, списывали налоги. Теперь такой стимул отменили. Поэтому люди, владеющие капиталами, могут сегодня дать деньги на кино только от большой любви или из услады. За что им огромное спасибо. Государство же

Я не без иронии говорю Клинту Иствуду: «Ну что, играть, наверное, надо злодея? Русские-то у вас все злодеи!». А он отвечает: «Да нет. У нас злодеи больше англичане. А с русскими скоро все в Голливуде изменится».

потому, что она познакомила меня с Вуди Алленом, который оказался человеком невероятным. (Смеется.) Я напоивину не понимаю того, что он говорит, но понимал, что он невероятный... Потом на съемках фильма «Давай сделаем это по-быстрому» у нас сложились дружественные отношения с Дженнифер Джейсон Ли. Нет, в принципе там работать несложно. Только начало трудное, когда реакция на тебя: «Ты чего это приехал? Показывай, что умеешь». Поэтому я язык учил безостановочно — своим способом, когда обклеивал всю квартиру листочками со словами.

— Одно время очень беспокойно, что все русские герои, появившиеся в голливудских картинах, оказывались отрицательными.

— Ну да, мой американский друг тут приколотился и — виде-

не в силах не только финансировать кинематограф полностью, но и определить, сколько именно денег нужно на ту или иную картину, поскольку это сложно. Почему одному — в десять раз больше? Почему другому — в пять раз меньше? А если тот, который еще не заслужил, делает сейчас в кинематографе нечто невероятное? Я бы вернул прежнюю ситуацию: снимал налоги с частных лиц, которые помогают. Иначе, возвращаясь к нашему первому «скучному вопросу», мы можем попасть в замкнутый круг: перестанем пускать сюда чужие картины, на свои у нас денег не хватит, и мы останемся без своего кино, и без зарубежного.

— Что же, тогда самый последний вопрос: вы все-таки будете отмечать сороклетие?

— (Пауза.) Я подумал над этим.



На съемках фильма «Папа!»: сцена в гетто, Владимир Машков (в шляпе) — в роли Абрама Шварца